

Министерство просвещения Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение (Раифское СУВУ)

**Учителя и наставники известных русских учёных, писателей, музыкантов,
художников и поэтов**

**Выполнили обучающиеся группы №5
Руководители: Мастера производственного обучения
Дмитриев Р.Ю., Мангушева Е.Г.**

Раифа, 2023

Учителей нередко сравнивают с ювелирами, создающими из неограниченных камней произведения искусства. Так и талантливые педагоги шаг за шагом превращают неопытных учеников в настоящих профессионалов.

Михаил Ломоносов и Христиан Вольф

Один из первых российских учёных мировой величины Михаил Ломоносов с ранних лет проявлял свои исключительные способности. Поэтому в 1736 году в числе самых выдающихся учеников Петербургской Академии был отправлен в Германию для дальнейшего обучения, где и встретился со своим главным «благодетелем и учителем» Христианом Вольфом.

Христиан Вольф.

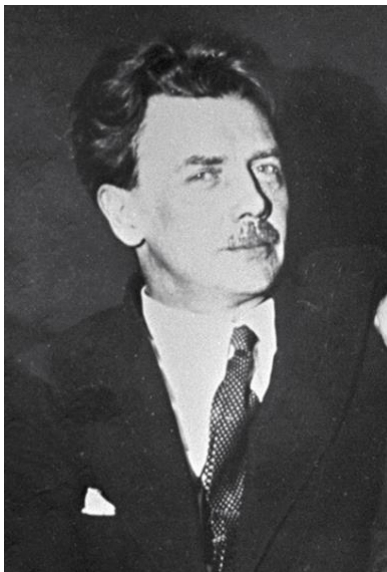
К этому времени немецкий профессор уже оказал огромное влияние на европейское образование, изложив систематическое видение практически всех известных на тот момент наук. Ломоносов же стал самым талантливым наследником его знаний и в области научного мировоззрения даже пошёл дальше своего учителя. С первых дней Вольф разглядел в Ломоносове настоящий талант и стал уделять ему больше внимания, чем другим русским ученикам. В своих отчётах он называл Ломоносова «самой светлой головой» и «молодым человеком с прекрасными способностями», который сделал особенные успехи в науках. На протяжении трёх лет Вольф с присущей немцам педантичностью развивал природный талант юноши: учил его сосредотачиваться на самом важном и систематизировать собственные знания. И в результате воспитал не только настоящего учёного, но и тактичного человека (спустя годы Ломоносов понял, что его взгляды вошли в противоречие с тезисами Вольфа, и на протяжении нескольких лет не решался публиковать результаты некоторых своих наблюдений).

По окончании курса в Марбургском университете Вольф дал русскому ученику блестящую характеристику: «Молодой человек с прекрасными способностями, Михаил Ломоносов со времени своего прибытия в Марбург прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенностью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то он со временем, по возвращению в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю». А позже внимательно следил за его успехами: «С великим удовольствием я увидел, что вы в академических „Комментариях“ себя ученому свету показали, чем вы великую честь принесли вашему народу».

Ломоносова же восхищала не только энциклопедическая образованность своего учителя, но и его доброе отношение к другим. Вольф помогал русским ученикам, оказавшимся в чужой стране расплачиваться с кредиторами, в числе которых были портные, учителя танцев и фехтования, башмачники и книгопродавцы. Есть легенда, что в день отъезда русских студентов Вольф пригласил к себе всех их кредиторов и на глазах у изумлённых учеников расплатился с их долгами, что до слёз растрогало Ломоносова.

Святослав Рихтер и Генрих Нейгауз

Отец Святослава Рихтера, одного из крупнейших пианистов XX века, сам был известным музыкантом и преподавал в консерватории. Он же и дал первые уроки музыки своему талантливому сыну, но как это часто бывает в семье музыкантов-профессионалов, у **Теофила Рихтера** не было времени на занятия с собственным сыном — всё своё время он тратил на обучение других детей.

Генрих Нейгауз.

Святослав Рихтер

Несмотря на то, что Рихтер очень рано начал выступать с концертами на публике, а с 1930 по 1932 год и вовсе работал пианистом-концертмейстером в одесском Доме моряка, лишь в возрасте 22 лет он решил получить профессиональное музыкальное

образование и поступил в Московскую консерваторию. Там он и познакомился со своим первым учителем, знаменитым пианистом Генрихом Нейгаузом, который об этой встрече вспоминал так: «Студенты попросили прослушать молодого человека из Одессы, который хотел бы поступить в консерваторию в мой класс. — Он уже окончил музыкальную школу? — спросил я. — Нет, он нигде не учился. Признаюсь, ответ этот несколько озадачивал. Человек, не получивший музыкального образования, собирался в консерваторию!.. Интересно было посмотреть на смельчака». Но как только Рихтер сел за рояль, он покорила Нейгауза своим талантом: «Играл он очень сдержанно, я бы сказал, даже подчеркнуто просто и строго. Его исполнение сразу захватило меня каким-то удивительным проникновением в музыку. Я шепнул своей ученице: „По-моему, он гениальный музыкант“. После Двадцать восьмой сонаты Бетховена юноша сыграл несколько своих сочинений, читал с листа. И всем присутствующим хотелось, чтобы он играл ещё и ещё...».

Нейгауз, конечно же, принял Рихтера в свой класс. Он сам был сыном директора частной музыкальной школы и отвергал многие педагогические методы, поэтому никогда не учил Рихтера в общепринятом смысле этого слова, по его признанию, учить его было нечему — нужно было только развивать его талант.

Рихтер всю жизнь оставался благодарен своему учителю не только за бережное отношение к таланту, но и за то, что Нейгауз однажды вернул его к учёбе. В первый же год юноша отказался изучать общеобразовательные предметы и уехал в Одессу, но по настоянию Нейгауза вернулся в Москву и восстановился в консерватории.

Интересно, что, переиграв чуть ли не всю фортепианную классику, Рихтер никогда не включал в свою программу Пятый концерт **Бетховена**, так как считал, что не сможет сыграть его лучше своего наставника. Но не только для Рихтера Нейгауз стал любимым учителем. Среди его учеников было много известных музыкантов: **Тихон Хренников**, **Теодор Гутман**, **Эммануил Гросман**, **Берта Маранц**, **Семён Бендицкий**, **Эмиль Гилельс**. А знаменитый поэт **Осип Мандельштам** в 1931 году посвятил фортепианной игре Нейгауза стихотворение под названием «Рояль»:

Разве руки мои — кувалды?

Десять пальцев — мой табунок!

И вскочил, отряхая фалды,

Мастер Генрих — конек-горбунок.

Николай Лобачевский и Григорий Карташевский

Однажды знаменитый русский математик Николай Лобачевский заметил: «Гением быть нельзя, кто им не родился. В этом-то искусство воспитателей: открыть Гений, обогатить его познаниями и дать свободу следовать его внушениям». Ему повезло быть учеником Гения, который обладал энциклопедическими знаниями и с удовольствием ими делился с другими.

Лобачевский был сыном разночинца, поэтому попасть в императорское учебное заведение, куда его в девятилетнем возрасте привела мать, было непросто. Однако мальчику повезло: экзамены принимал педагог Казанского императорского университета Григорий Карташевский, который сразу разглядел талант мальчика. Он задал Лобачевскому задачу — бассейн получает воду из четырех труб; первая наполняет его в день, вторая — в два дня, третья — в три, а четвёртая — в четыре; требуется узнать, во сколько времени наполнится бассейн, если все четыре трубы открыть одновременно? — и Лобачевский быстро решил её в уме. Карташевский стал придумывать задачи ещё сложнее, но мальчик, не притрагиваясь к грифелю, и их решал в уме.

Так Лобачевский попал в Казанскую гимназию, где в течение трёх лет ему предстояло усвоить обширную программу: иностранные языки, русскую грамматику, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, механику, гидравлику, землемерие, историю, логику, практическую философию, гражданскую архитектуру, военное дело и многое другое. А так как официальных учебников почти не существовало, каждый преподаватель был обязан написать учебник по своей дисциплине. И Карташевский создал учебник чистой

математики, который настолько увлёк Лобачевского, что он буквально ни на шаг не отходил от своего учителя. С первого дня талантливый педагог не только расширял кругозор юноши, но и развивал в нём критическое чутье, чтобы тот не боялся проявлять творческую смелость.

Их творческий союз ученик-учитель мог продолжаться и дальше: после гимназии Лобачевский поступил в Казанский императорский университет, где продолжал читать лекции Карташевский. Однако в декабре 1806 года последний был отстранён от должности, как «проявивший дух неповиновения и несогласия».

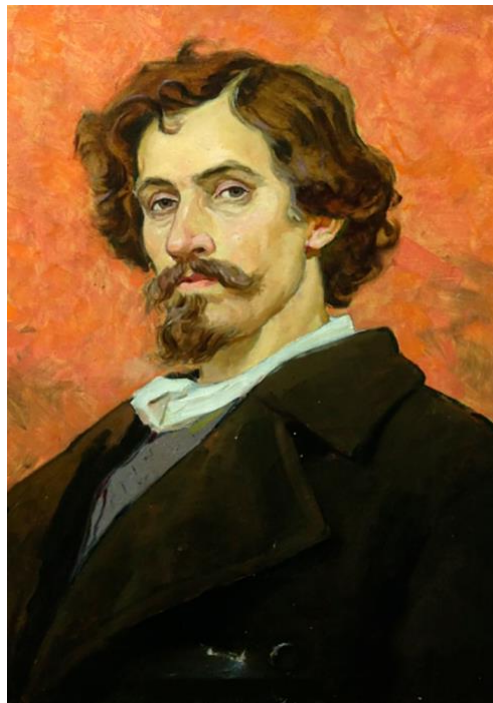
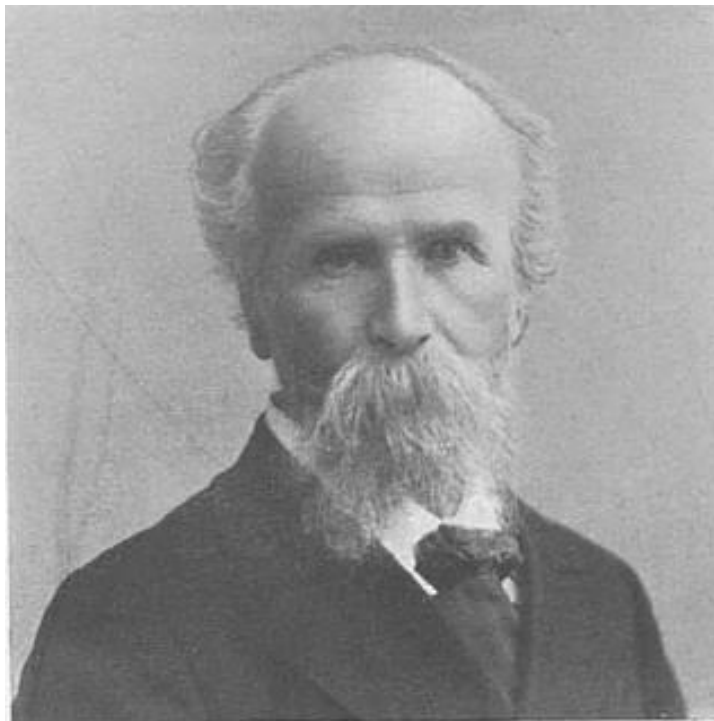
Как известно, у гениев бывают не только последователи, но и завистники — Карташевского незаслуженно обвинили в нарушении устава. Такая несправедливость произвела сильное впечатление на Лобачевского, который с тех пор возненавидел директора, его «сообщников» и нового учителя математики.

Лобачевский - шестикратный ректор Казанского университета, профессор, первые изданные им учебники были осуждены за использование и продвижение метрической системы мер. Подумать только, как мог он, ординарный профессор, покуситься на сами «Начала» Евклида? Как мог он опровергнуть неопровергаемое - аксиому Евклида о параллельности, незыблемый пятый постулат? Тем не менее, Лобачевский его опроверг, назвав аксиому параллельности Евклида «произвольным ограничением». По мнению Лобачевского это слишком жесткое требование, существенно ограничивающее возможности теории, которая описывает свойства пространства. Он предлагает другую аксиому: на плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, проходит более чем одна прямая, не пересекающая данную. Также Лобачевским были разработаны совершенно новые тригонометрия неевклидова пространства и дифференциальная геометрия с вычислением длин, объемов, площадей. К великому сожалению, современники не смогли достойно оценить труда учёного. Его «Начала геометрии» (1832) получили отрицательную оценку и фактически были высмеяны. До своего признания он не дожил. Но это не значит, что его труды были забыты. Признание пришло к ученому через несколько лет после смерти, его идеи нашли продолжение в трудах таких математиков как Клейн, Бельтрами и Пуанкаре. Осознание того, что геометрия Лобачевского не антагония, а альтернатива геометрии Евклида дало толчок для новых мощных открытий и исследований в математике и физике. А всё началось с Учителя!

Илья Ефимович Репин и другие художники и их учитель Павел Петрович Чистяков

В русском искусстве одним из самых ярких учителей был Павел Чистяков (1832-1919). Только лишь перечисление имен его учеников - сразу целая энциклопедия живописи: Поленовы (брат и сестра), Репин, Васнецов, Врубель, Рерих, Серов,

Борисов - Мусатов и многие другие. Более 50 лет он был профессором Академии Художеств, но не заработал себе ни состояния, ни чинов, жил очень скромно и не умел делать карьеру. При этом сам не оставил большого живописного наследия, над своими работами трудился годами, но его методика преподавания была, по мнению современников и последователей, блестящей.

Многие ученики приходили к нему, уже закончив Академию Художеств, чтобы приблизиться к настоящему пониманию искусства, прежде всего в рисунке (который он считал основой всего). От Чистякова остались "Записки" с острыми и емкими высказываниями о творчестве.

Например: «Не надо стараться написать всё точь-в-точь, а всегда около того, чтобы впечатление было то самое, как в природе». Его систему воспитания ласковой не назовешь, но высшая похвала педагогу — это и восторженные воспоминания его воспитанников, и их изумительные работы. Как наставник Чистяков смог раскрыть своеобразие таланта каждого ученика согласно его дарованию — таково было его призвание. Павел Петрович Чистяков часто рассказывал своим ученикам, как приехал в Петербург пареньком из Тверской губернии с единственным желанием — стать художником. Закончив Академию с несколькими золотыми медалями, он отправился в так называемую «пензионерскую» (оплачиваемую Академией) поездку по Европе. Вернувшись на родину в 1870 году, получил звание академика за картину «Римский нищий», которая к тому же была очень благосклонно встречена на Всемирной Выставке в Лондоне. В 1872 году Чистяков стал адъюнкт-профессором Академии, что подразумевало лишь педагогическую деятельность и полностью исключало возможность принимать участие в делах учебного заведения. Своим нестандартным взглядом на методику преподавания, —

а в Академии они считались незыблемыми, — и своими взглядами на искусство Чистяков вызвал неудовольствие руководства, поэтому членом Академического совета он стал только в 1892 году. Прохладные отношения с начальством несколько не волновали молодого педагога, он спешил в классы, всегда переполненные на его занятиях. Для Чистякова самыми главными были талант и знания: «Чувствовать, знать и уметь — полное искусство», говорил профессор и вел своих учеников в Эрмитаж, объясняя на работах старых мастеров и древних греков секреты мастерства. Ученики обожали его слушать. А между тем, отношение к любимчикам было таким же строгим, как и ко всем ученикам. Всю жизнь потом Суриков любил повторять услышанное от учителя: «Будет просто, как попишешь раз со сто!». И под строгим взглядом Чистякова Суриков старался преодолеть академические штампы в исторической картине.

Семён Егорович Раич (1792-1855): учитель двух гениев

Для наставника по призванию встретить гениального ученика – огромная удача. Преподавателю русской словесности, поэту и переводчику Семену Егоровичу Раичу повезло дважды: его жизненный путь пересекся с двумя русскими поэтами, имена которых, в отличие от имени самого Семена Егоровича, прозвучали в истории отечественной литературы громко и навсегда. Поэты эти – М.Ю. Лермонтов и Ф.И. Тютчев. Каждого из них Раич встретил на раннем этапе их творчества, а в случае с Тютчевым непосредственно способствовал его началу. В 1813 году в семью Тютчевых пригласили воспитателем 21-летнего Семена Раича. Он должен был подготовить к поступлению в университет младшего сына Федора. Молодой человек приходит к Тютчевым по рекомендации: до этого он проявил себя в семье их родственницы Надоржанской как прекрасный педагог и знаток античной и иностранной словесности. Семен Раич не был для Тютчева «типичным» наставником-гуру. Первые литературные опыты Тютчева испытали сильное влияние Раича: и интерес к Античности, и любовь к переводам, и поиски «словесных красот» – все это учитель передал своему ученику. Он был всего на 11 лет старше своего воспитанника, и стал для него не столько строгим преподавателем, сколько старшим товарищем. Семен Раич организовывал 14-летнему Тютчеву встречи с В.А. Жуковским для того чтобы талантливый подросток перенял опыт старшего товарища в поэзии. Первая публикация Тютчева также состоялась при горячей поддержке Семена Егоровича. В 1819 году перевод «Послания Горация к Меценату» молодого поэта состоялась в «Трудах Общества любителей российской словесности», чему воспитатель (и член-корреспондент Общества) способствовал. Уважение и благодарность к учителю Тютчев сохранил на всю жизнь. Со своей стороны, Семен Раич, в своей биографии признававшийся, что ему «на роду написано было целую жизнь учиться и учить», не испытывал к

ученику, очевидно превосходившему его по дарованию, творческой ревности. Встреча с М.Ю. Лермонтовым произошла в жизни Семена Егоровича гораздо позднее. В 1827-1830 годах С.Е. Раич преподавал словесность в Университетском благородном пансионе. Одним из постоянных посетителей с осени 1828 года стал М.Ю. Лермонтов, который, по свидетельствам современников, не пропускал ни одного собрания. Раич выступает за «сладостный стиль», стремление к текучести стиха и его благозвучие, поиск возвышенных эпитетов, использование поэтической фразеологии, ориентацию на античные и итальянские образцы, обилие переводов и цитат из литературы этих эпох. Многие из этого мы встречаем в ранних стихотворениях Лермонтова. То, что поэзия Раича была хорошо знакома молодому Лермонтову, подтверждают цитаты, которые иногда встречаются в его раннем творчестве. Например, в качестве эпиграфа к первой редакции «Демона» («Я буду петь, пока поется») были взяты перефразированные строки стихотворения Раича «Прощальная песня в кругу друзей»: Будем петь, пока поется, Будем пить, пока нам пьется, И любить – пока в нас бьется Сердце жизни молодой. В драме «Испанцы» Лермонтов обращается к одной из сцен переведенной Раичем поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Возможно, именно через «кружок» Раича в творческое сознание Лермонтова проникает и поэзия Батюшкова, тоже вдохновлявшегося итальянскими образцами. В 1829 году поэт обратился к байронизму, и его творческая манера начала все больше и больше идти в разрез с культивируемой в «Обществе». К сожалению, мы не знаем, как отнесся к этому Семен Егорович. В 1830 году Лермонтов закончил обучение в пансионе, и их пути разошлись навсегда. Однако на надгробии С.Е. Раича не зря выгравировано «учитель Лермонтова». Без этих первых занятий, критических разборов, творческих влияний и литературных впечатлений, полученных в «Обществе», поэзия Лермонтова, возможно, была бы несколько иной. Не в силах отрешиться от своей творческой индивидуальности, литературные наставники невольно поощряют в своих учениках подражание себе.

С. Е. Раич

Ф.И. Тютчев

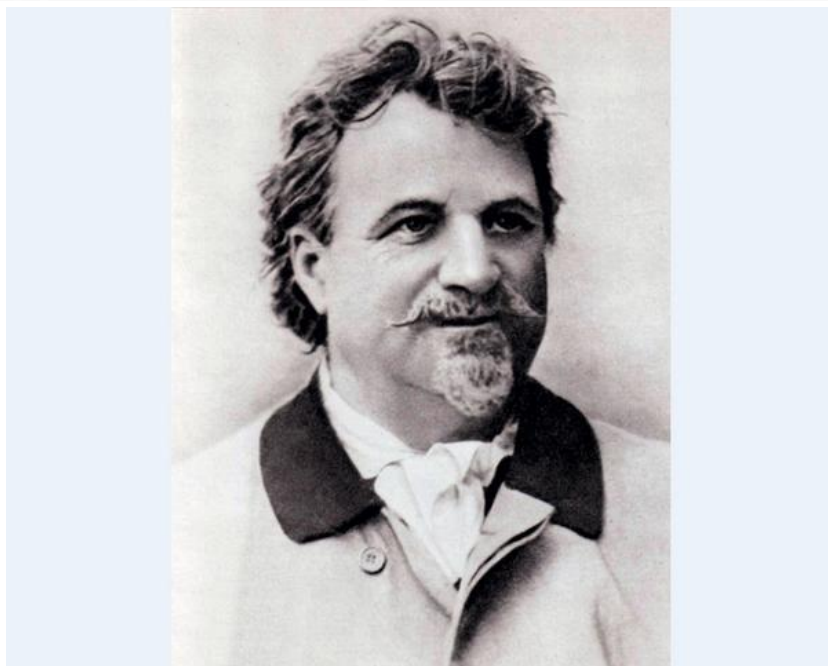
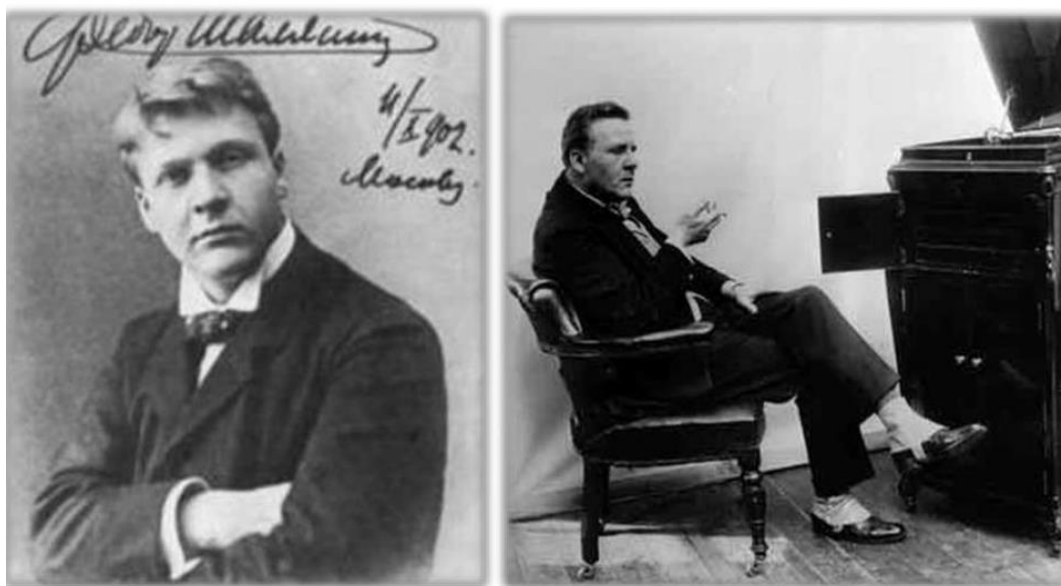
Фёдор Иванович Шаляпин и Дмитрий Андреевич Усатов

10 февраля исполнилось 170 лет со дня рождения Дмитрия Усатова. Дмитрий Андреевич был оперным певцом, композитором, вокальным педагогом. В историю он вошёл как первый и единственный учитель пения Фёдора Шаляпина. Шаляпин и Усатов познакомились в Тифлисе. Туда Дмитрий Андреевич отправился преподавать после того, как закончил выступать на сцене. Будучи профессором Тифлисского музыкального училища, он организовал музыкальный кружок, а дома у себя ставил отрывки из опер. Нередко педагог организовывал концерты, где выступали его ученики. В 1890–1892 годах Шаляпин берёт у Усатова уроки. Причём Дмитрий Андреевич, проникшись судьбой талантливого самородка, обучал его совершенно бесплатно. До встречи с Усатовым Шаляпин уже выходил на сцену, но был ещё в самом начале творческого пути и серьёзно не занимался своим голосом.

«Я всегда внимательно и с любовью слушал поучения этого человека, который, вытащив меня из грязи, бескорыстно отдавал мне свой труд, свою энергию и знания», — написал о своём учителе Шаляпин.

Дмитрий Андреевич развил музыкальный вкус Шаляпина, познакомил его с лучшими произведениями, подготовил с ним оперные партии, с которыми Фёдор Иванович выступал в Тифлисском оперном театре. А ещё педагог научил будущего великого певца светским манерам. В своей книге «Я был отчаянно провинциален...» Шаляпин вспоминал: «Но всё-таки Усатовы заставили меня обедать у них, и я претерпел немалые мучения при этом. Подавались кушанья, не виданные мною. Я не знал, как надо есть их. В тарелке с зелёной жидкостью плавало яйцо, сваренное вкрутую. Я стал давить его ложкой, оно, разумеется, выскочило из тарелки на скатерть, откуда я его снова отправил в тарелку, поймав пальцами. Зрители смотрели на мои операции молча, но неодобрительно, я чувствовал это. Претерпев эти попытки несколько раз, я, конечно, научился есть, не смущая соседей такими выходками, как, например, погружение пальцев в солонку или выковыривание ногтем мяса из зубов. Но это дорого стоило мне. К тому же Усатов имел благородную привычку говорить обо всём с чарующей простотой, от которой у меня зеленело в глазах. «Шаляпин, не надо шмыгать носом во время обеда!» — советовал он. Но платков у меня не было, а когда пища горяча и вкусна, как же можно не шмыгнуть носом? «Если Вы будете есть с ножа, то разрежете себе рот до ушей, — поучал Усатов». Последние годы жизни Дмитрий Андреевич прожил в Ялте, где не только преподавал, но и участвовал в общественной жизни. Когда он умер, Шаляпин был на гастролях. Но, вернувшись, великий бас первым делом навестил могилу своего учителя.

**Федор Иванович Шаляпин (1873-1938),
русский певец (высокий бас)**

Дмитрий Андреевич Усатов

Александр Васильевич Суворов и Петр Александрович Румянцев

Самый выдающийся гражданин России второй половины XVIII века — это, безусловно, великий полководец, генералиссимус русских сухопутных и морских сил Александр Суворов. Этот талантливый военачальник провёл более 60 крупных битв и ни в одной из них не получил поражения. Армии под командованием Суворова удавалось побеждать даже в тех случаях, когда силы противника значительно превосходили её по численности.

Свой первый боевой опыт Александр Васильевич получил в битвах Семилетней войны (1756-1763 годы), вначале в тыловой службе, где приобрёл бесценные знания

тылового обеспечения и снабжения армий. А в 1758 году был переведен в действующую армию. В ходе Семилетней войны в 1761 году в сражении под Кольбергом Суворов со своими отрядами участвовал в осаде, а затем штурме Кольберга под командованием Петра Александровича Румянцева, выдающегося полководца, которого по праву можно назвать одним из учителей Суворова. Дело в том, что под Кольбергом Румянцевым были применены принципы новой тактики пехоты в колоннах и рассыпном строю. Впервые боевые позиции неприятеля были атакованы батальонными колоннами, при этом впереди колонн в рассыпном строю наступали стрелки, ведя ружейный огонь, действия сухопутных войск и флота были успешно скоординированы. Эта тактика была в дальнейшем успешно использована Суворовым.

Вообще, именно под командованием Румянцева расцвел полководческий гений Александра Васильевича. В турецкой кампании 1773-1774 годов, находясь в непосредственном подчинении у Румянцева, Суворов одержал первые из своих блистательных побед: произвел молниеносное взятие турецкой крепости Туртукай у превосходящих сил противника, понеся при этом минимальные потери, а затем у села Козлуджи, командуя 8-тысячной дивизией, разгромил в пять раз превосходившую армию противника. Конечно, все почести достались главнокомандующему, графу Петру Александровичу Румянцеву, которому помимо прочих наград, была пожалована почетный титул «Задунайский». Это было справедливо, поскольку по общему признанию он был великим полководцем и крупным реформатором военного искусства. Это признавал и Суворов. Известно, что в письме к нему генерал Ф.В. Растопчин посчитал его выше Румянцева, на что Александр Васильевич категорически заявил: «Нет, Суворов – ученик Румянцева». Человек думающий, ищущий, стремящийся к совершенству учится всю жизнь, и жизнь Суворова тому пример.

А.В. Суворов

П. А. Румянцев